

Турилова Мария Валерьевна
Кандидат филологических наук,
независимый исследователь,
прихожанка храма
во имя Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна,
г. Калуга, РФ

Стендовый доклад

Интертекстуальность и скрытые смыслы в поэзии Н. М. Рубцова

В 2021 году исполняется 85 лет со дня рождения русского поэта Николая Михайловича Рубцова. В статье рассматриваются интертекстуальные связи и скрытые смыслы в творчестве поэта, преимущественно на примере стихотворений, изданных в сборнике «Прощальная песня. Избранное» (1997) [14].

В предисловии к рукописи сборника стихов «Волны и скалы», говоря о том, что «отозвалось в стихах», Рубцов упоминает первые три года жизни в Архангельской области (с. Емецк), раннее сиротство, сельский детский дом на р. Толшма в Вологодской области (с. Никольское), где до него «всё же докатились последние волны старинной русской самобытности», незавершённую учёбу в техникумах (лесотехническом в Тотьме и горно-химическом в Кировске Мурманской области), четырёхлетнюю срочную службу на Северном флоте, работу в Архангельском траловом флоте и на заводе в Ленинграде [14, с. 5]. Первые публикации в армейской и заводской газетах, выход сборников, учёба в Литературном институте, начавшиеся гонения на поэта, «мирная» работа, наконец-то своя квартира и безвременная смерть.

В качестве основы жизни называют также православное христианство [12]. Архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан в 2008 г. отмечал, что «Николай Рубцов, несмотря на внешнюю удалённость от Церкви, всё-таки был православным поэтом — как не может не быть православным русский писатель». Архангельская земля и Вологодчина, как и вообще Русский Север, известны множеством дореволюционных монастырей [4; 6; 7; 16]. Здесь жили Брянчаниновы [5]. В Иоанно-Предтеченском Леушинском монастыре перед революцией было почти 500 насельниц, включая проживавших в монастыре (данные ин. Серафимы (Литвиновой Т. Ф., СПб.) для сайта Иоанно-Предтеченского женского монастыря, Череповецкая епархия Вологодской митрополии РПЦ МП). В монастырской школе готовили учительниц, то есть давали им хорошее гимназическое образование.

Мать Рубцова, как указывают некоторые биографы, пела на клиросе. Вокруг поэта в детстве и в молодые годы было множество храмов, пусть даже разрушенных: Свято-Никольский в с. Никольское, Иоанно-Предтеченский в деревне по соседству, храмы Тотьмы, Вологды, Соловецкий монастырь, купола Ленинграда и Москвы... Тотемский лесотехнический техникум, где учился Рубцов, находился в недействующем Спасо-Суморинском монастыре: стены с фресками, вероятно, были замазаны, но что-то всё равно должно было остаться. Рубцов мог видеть Суморинско-Тотемскую икону Божией Матери или слышать о ней, знал вологодских и других святых, например св. Дмитрия Прилуцкого: поэт незадолго до смерти завещал себя похоронить рядом с К. Н. Батюшковым, в Спасо-Прилуцком монастыре. Биографии поэтов объединяет, кроме вологодской земли, ранняя смерть матерей, а творчество — интертекстуальность стихов, обращение к классической традиции: для Батюшкова это античность, для Рубцова — православие, русская литература XIX и «серебряного» веков и зарубежные поэты — Шекспир, Гёте, Байрон и другие). Биографы,

ссылаясь на В. П. Астафьева, отмечают, что в конце жизни Рубцов бывал на Литургии и причащался.

Книгу открывает стихотворение «Звезда полей» [14, с. 4], давшее имя сборнику 1967 г. В нём поэт говорит о любви к северной Родине и о том, что доволен своей судьбой. В каждой строфе повторяются слова «звезда полей». Она светит для всех «тревожных жителей земли», как маяк, вселяя в них надежду; на севере, «во мгле заледенелой», звёзды светят «ярче и полней». Но «Полярная звезда» — название альманаха декабристов, повешенного К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева-Марлинского. Таким образом, Рубцов связывает современную ему литературную ситуацию с событиями XIX в., уподобляя репрессированных людей, погибших и выживших, декабристам, утешает их и ободряет, придавая осмысленность их страданиям. Стихотворение заставляет вспомнить и вынужденный отказ Б. Л. Пастернака от Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго» в 1958 г., вскоре после чего тот умер. Последняя строка стихотворения, «Горит, горит звезда моих полей», обращает читателя к известному романсу XIX в. «Гори, гори, моя звезда» (П. Булахов на слова В. Чуевского). Вместе с тем, содержательно и лексически стихотворение перекликается со строками М. Ю. Лермонтова («Прекрасны вы, поля земли родной...», «Небо и звёзды» (1830) [8, т. 1, с. 92—93], «Выхожу один я на дорогу. / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит. / В небесах торжественно и чудно! / Спит земля в сиянье голубом...» (1841) [8, т. 1, с. 222]), А. С. Пушкина, С. А. Есенина («Белая берёза под моим окном...»).

В стихотворении «На вокзале» [14, с. 188], завершающем сборник, поэт возражает самому себе в «Звезде полей». В первой строфе говорится, что очередной день отходит «в таинственную тень». Эти слова отсылают к строкам романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина: «Уж небо осенью дышало, / Уж реже солнышко блистало, / Короче становился день, / Лесов таинственная сень / С печальным шумом обнажалась, / Ложился на поля туман. / Гусей крикливых караван / Тянулся к югу: приближалась / Довольно скучная пора: / Стоял ноябрь уж у двора» [10, т. 2, с. 254—255].

Во второй и третьей строфах «кем-то странным» Рубцов называет, вероятно, себя:

Кто-то странный (видимо, не веря,
 Что поэт из бронзы, неживой)
 Постоял у памятника в сквере,
 Позвенел о бронзу головой
 Посмотрел на надпись с недоверьем
 И ушёл, посвистывая, прочь...
 И опять родимую деревню
 Вижу я: избушки и деревья,
 Словно в омут, канувшие в ночь.

«Поэт из бронзы», «памятник в сквере» — эти слова могут относиться одновременно к конкретному памятнику поэту (например, А. С. Пушкину) и Поэту-классику вообще. Словами «позвенел о бронзу головой» Рубцов, вероятно, сожалеет о бесплодной попытке открыть его стихи современному читателю. А может быть, это птица стучит клювом о памятник и улетит через несколько минут.

На родине Рубцова темно (иначе в стихотворении «Звезда полей»). В следующей строфе он говорит, что готов погибнуть за неё, как миллионы простых солдат:

За старинный плеск её паромный,
 За её пустынные стога
 Я готов безропотно и скромно
 Умереть от выстрела врага...

Та же тема «старинной русской самобытности», но слова «паромный плеск» отсылают к стихотворению Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809) [3, с. 230—240], где «прямо в рай» со всеми творениями отправился один И. А. Крылов. Последние две строки прежде всего читаются как описание смерти в бою. Затем — на дуэли: Пушкин приходит в голову первым

из-за указания на «родную деревню», ср. пушкинские «Пора, мой друг, пора...» (1834) [10, т. 1, с. 528], «...Вновь я посетил...» (1835) [10, т. 1, с. 573].

Потом читатель понимает, что может подразумеваться гибель от рук бандитов или тех, кто, подобно исполнителям сталинских репрессий, преследует неугодных властям. Рубцов словно примеряет на себя биографии поэтов и писателей, сошедших с ума и молчащих (К. Н. Батюшков), погибших от рук врагов (А. С. Грибоедов), на дуэли (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов), расстрелянных (Н. С. Гумилев, Б. Пильняк, П. А. Флоренский, Н. М. Олейников, И. Бабель), сосланных (Н. А. Заболоцкий, Н. Р. Эрдман), умерших в тюрьме или лагере (О. Э. Мандельштам, А. И. Введенский, Д. Хармс), безвременно погибших от болезни (В. В. Хлебников, Л. Н. Лунц, И. Ильф), в автокатастрофе (Е. Петров), покончивших с собой (Сафо, А. Н. Радищев, А. К. Толстой, Н. В. Успенский, Дж. Лондон, Анастасия и Александра Н. Чеботаревские, С. А. Есенин, В. В. Маяковский, М. А. Цветаева, С. Цвейг, Г. В. Табидзе, А. А. Фадеев, Э. Хемингуэй, Л. Л. Аронзон) [17].

Диалог современников с предшествующей традицией Рубцов уподобляет бою с врагами. Здесь снова переключка с Батюшковым, взявшим для сатиры «Певец в Беседе любителей русского слова» (1813) форму и образы стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1811) [3, с. 311]. Рубцов готов смиренно умереть, уступая «новому стилю».

Но в стихотворении «На реке Сухоне» [14, с. 15] проливные дожди названы «всемирным потопом», а значит, паромщик на реке уподоблен библейскому Ною и мужики на пароме — те немногие, кому удалось спастись. «Вот, я думаю, стать волосатым паромщиком мне бы!» Поэт прямо выражает желание стать подобным паромщику монахом или священником, перевозящим души на небо (перевоз действовал на Соловках и Валааме, Рыбинском водохранилище, затопившем монастыри и сёла). Или, скромнее, поэтом-переводчиком, связывающим современников с предшествующей литературной и культурной традицией, православным христианством.

В стихотворении «На вокзале» многозначие после четвёртой строфы выражает «но», затем — вздох:

О вине подумаю, о хлебе,
О птенцах, собравшихся в полёт,
О земле подумаю, о небе
И о том, что всё это пройдёт.

Вино и хлеб после Рождества Христова в культурах, знакомых с христианством, — это знак Евхаристии. Птенцы — дети. Поэт размышляет о смысле жизни.

Последняя строфа — о воскресении:

И о том подумаю, что всё же
Нас кому-то очень будет жаль,
И опять, весёлый и хороший,
Я умчусь в неведомую даль!

Слова «кому-то» следовало бы писать здесь с прописной: «Кому-то», потому что речь идёт о Боге. Одновременно с этим, как всегда со стихами, имеется в виду, что найдётся кто-нибудь, кто пожалеет усопшего, помолится о нём, тому простятся грехи и его возьмут в Рай.

Тщательно продуманная игра со скрытыми смыслами рядом с названной прямо Евхаристией позволяет думать, что, не говоря этого прямо, поэт отрицает всё им сказанное, подразумевая, что читатель сам способен отделить важнейшее от второстепенного и поступиться последним, к которому он относит «родную старину». (Сборник в целом заставляет думать, что речь может идти как о брани — допустима ли она для достижения «важнейших целей» или нет, так и о способах заработать на жизнь себе и семье.)

Биографы сообщают, что поэт с детства читал стихи и пел на сцене, во время учёбы в Литинституте исполнял под гитару песни на свои стихи. Вместе с тем, И. О. Шайтанов указывает, что в последние годы Рубцов ходил с томиком Ф. И. Тютчева в руке, отозвавшись в своих стихах на тютчевский призыв в стихотворении «Silentium!» («Молчи, скрывайся и

таи / И чувства и мечты свои...», 1830) [15, с. 302].

«В горнице моей светло...» [14, с. 23]. Слово «горница» в первой строке обращает читателя к русской народной песне. Раненый солдат в стихотворении Батюшкова жалуется на то, что скоро умрёт и его дети останутся сиротами, чтобы дойти живым, то есть просит о помощи: «У Волги-реченьки сидел / В кручинушке, унылый, / Солдат израненный и хилый. / Вздохнул, на волны поглядел / И песенку запел...» (1816/1817) [3, с. 178—179]. Рубцов говорит лишь о том, что его «красные цветы в садике» завяли и скоро «лодка догниёт совсем».

«Это от ночной звезды». Звёзды были вышиты на омофоре Пресвятой Богородицы и в иконографии являются Её знаком, так же как и надписание. В акафисте Успению Пресвятой Богородицы «Светозарная Звезда» — эпитет Божией Матери [1, с. 27]. Но поэт скорее говорит о бедности дома.

«Матушка возьмёт ведро, / Молча принесёт воды». В стихотворении «Аленький цветок» [14, с. 145] поэт сообщает, что растил аленький цветок в подарок больной матери, пропадая в саду, тревожил этим родителей, но всё же смог его вырастить и нёс цветок за гробом матери. Вероятно, воду экономили, а растить красную герань — цветок декабрист — было опасно, но мать сама приносит воду сыну. А может быть, она учила его убираться в церкви: воду нужно выплёскивать туда, где никто не ходит, то есть в сад, и цветы завяли, потому что герань гниёт от избытка влаги.

«Красные цветы мои / В садике завяли все. / Лодка на речной мели / Скоро догниёт совсем». Цветы связаны с образом Райского сада. На иконе Божией Матери «Трёхлетняя Отроковица» Дева Мария изображена с цветком в руке. На иконе Божией Матери «Неувядаемый Цвет» Богородица окружена цветами. Цветами украшают Плащаницы Господа Иисуса Христа в Страстную Пятницу и Божией Матери на праздник Успения Пресвятой Богородицы. В 5 икосе акафиста Успению Пресвятой Богородицы звучат слова:

Радуйся, Скиптре Царский в Христовой деснице;

Радуйся, в руце Ноя ветвь голубицы.

Радуйся, жезле Ааронов, прозябший нетление;

Радуйся, Крине Неувядаемый, процветший безсмертие [1, с. 11].

Божия Мать названа «душевный Раю, Живоноснаго Сада Отрасле, Цвете прекрасный, процветший нам небесное веселие» [1, с. 27]. В фольклоре красные цветы — это дети и невинные девушки. Вспоминается сказка С. Т. Аксакова «Аленький цветочек»: цветок вянет, когда меньшая дочь купца нарушает запрет «лесного зверя, чуда морского» [2]. Девушки потеряли целомудрие, дети почти умерли — государство («лодка») скоро окончательно погибнет («сгниёт»).

В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» [14, с. 11] Рубцов заявляет: «Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, / Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!» В последних двух строфах — языческие мотивы, словно поэт оказывается в нацистской Германии начала 30-х годов:

...Отчизна и воля — останься, моё божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!

Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!

Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы

Старинной короной своих восходящих лучей!..

Есенину было жаль, но в стихотворении «Младым царевнам» о службе в полевом Царскосельском военно-санитарном поезде № 143 Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и лазарете № 17 вел. кнн. Марии и Анастасии он выразил примерно тот же смысл. Стихотворение было написано, преподнесено великим князям для прочтения в 1916 г., в СССР запрещено и опубликовано лишь в начале 60-х гг.

В других стихах Рубцова упоминаются иные травы: острые зелёные листья, серебряно-чёрные и стальные при повороте узкими краями, пушистые бело-чёрные соцветия осоки («Солнышко осоковое / Брызжет серебром» — «Огороды русские») [14, с. 9], молодая, сладкая «трава молочная», подорожники («Подорожники») [14, с. 13].

КУДРЯВЦЕВСКИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

«Лодка... скоро догниёт совсем». Образ лодки, моста, перехода и перевоза связан на Севере со смертью, свадебным или погребальным обрядом [13, т. 3, с. 128—129]. Речь также может идти в буквальном смысле об обмелевшем колодце или старом доме, иносказательно — о стране.

«Дремлет на стене моей / Ивы кружевная тень, / Завтра у меня под ней / Будет кропотливый день». Речь идёт одновременно о тени деревьев и о паутине в доме. Задумана уборка, или поэт представляет себя пауком. Возможно, с детства запомнилось непонятное слово «паучник» (учитель), которому можно «читать много» (св. Феофан (Говоров) Затворник Вышенский, толкование на 118-й псалом (М., 1891)).

Второе известное стихотворение, ставшее песней, — «Букет» [14, с. 85]:

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.

Его метр отсылает к предсмертным строкам «Неоконченного» (1928—1930) В. В. Маяковского [9, т. 2, с. 432]:

Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звёздной данью
в такие вот часы встаёшь и говоришь
векам истории и мирозданию.

Содержание — к пушкинскому «Я вас любил...» (1829) [10, т. 1, с. 454]. Как и в предыдущем стихотворении, поэт не открывает переживаемых чувств, кроме тоски по утраченной любви. В глухих лугах — самые чистые и нетронутые цветы.

Стихотворение «Видения на холме» [14, с. 21] отсылает к циклу стихов А. А. Блока «На поле Куликовом» (1908) («Река раскинулась. Течёт, грустит лениво / И моет берега...»; «Опять над полем Куликовым / Взошла и расточилась мгла...», завершающееся призывом поэта к самому себе и к России: «Молись!» [15, с. 773—774]).

В стихотворении «“Чудный месяц плывёт над рекою”, — / Чей-то голос поёт молодой...» [14, с. 10] поэт перечисляет всё, что не беспокоит его, не омрачает его жизнь: «разбойные лица», тех, кто «мыслит пожары зажечь», крики «сумасшедшей птицы», звуки «незнакомой речи», «неспокойные тени умерших», приходящие по ночам (возможно, имеется в виду поэзия У. Шекспира, Ф. Шиллера, И. Гёте, Э. По). Он рад поющему молодому голосу, «сну золотому» и «светлым небесам» над Родиной, полной покоя, тишине («И, тоскуя всё меньше и меньше, / Слово бог, я хожу в тишине»), мерцанию росы на ветках. В последней строфе поэт описывает звуки, которые ему чудятся в тишине леса: пение хора (клирос) и бубенцы троек скачущих гонцов (ангелов), то есть близкую смерть. Стихотворение завершается многоточием. Метрически, лексически, содержательно с ним перекликается появившаяся позднее песня «Голубой огонёк» Б. Гребенщикова:

...Я хотел бы венчаться на царство
Или просто ходить под венцом.
Но не купишь судьбы в магазине,
Не прижжёшь ей хвоста угольком.
Моя смерть ездит в чёрной машине
С голубым огоньком.

Возникающий во многих стихотворениях образ рыбаков, ловящих рыбу в море, обращён к евангельским сюжетам о Христе и Его учениках, но прежде всего прочитывается текст об отношениях мужчины и женщины. Под рыбами и птицами подразумеваются женщины: «Трепет камбал, глубинниц морей, / И зубаток пятнистые глыбы / В красной груди больших окуней!.. С чашкой кофе стоит капитан» («Хороший улов», 1959); «И долго, и хищно, стремясь поживиться, / С кричащей голодной тоской / Летели большие клювастые птицы / За

судном, пропахшим треской» («В океане», 1961). Сакральные смыслы снижаются до пивной: пивная («Эй, летел приказ», 1962), вина весёленький бочонок («Бывало, вырядимся с шиком», 1962) [12].

Литература

1. Акафист Успению Пресвятой Богородицы. — М. : Приход храма Святого Духа Сошествия, 2010. — 32 с.
2. Аксаков С. Т. Аленький цветочек / Сказки русских писателей. Вступ. статья, сост. и комм. В. П. Аникина. — М. : Детская литература, 1984. — С. 135—152.
3. Батюшков К. Н. Стихотворения / Сост., вступ. статья и примеч. И. О. Шайтанова. — М. : Художественная литература, 1987. — 320 с.
4. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. — 688 с.
5. Игнатий (Брянчанинов), свят., епископ Черноморский и Кавказский. Избранные творения. В 2 т. — М. : Сибирская Благовонница, 2009.
6. Климент (Капалин), митрополит Калужский и Боровский. Православие в Русской Америке: этапы становления. — Калуга : Калужская духовная семинария, 2020. — 252 с.
7. Книга глаголемая «Описание о российских святых» : С прибавлением полного списка русских святых / Публ. и доп. М. В. Толстого. — Репринт изд. 1888 г. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаам. мон-ря, 1995. — 314 с.
8. Лермонтов М. Ю. Сочинения. В 2 т. — М. : Правда, 1988—1990.
9. Маяковский В. В. Сочинения. В 2 т. / Сост. Ал. Михайлова, вступ. ст. А. Метченко, прим. А. Ушакова. — М. : Правда, 1987.
10. Пушкин А. С. Сочинения. В 3 т. — М. : Худож. лит., 1987.
11. Николай II (Романов), имп. Дневники императора Николая II. — М. : Орбита, 1992. — 736 с., ил.
12. Николай Рубцов. — URL : <http://rubcow.ru>
13. Славянские древности / Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. — В 5 т. — М. : Международные отношения, 2004.
14. Рубцов Н. М. Прощальная песня. Избранное. — М., 1997. — 192 с.
15. Русская литература. — М. : Дрофа, 1999. — 1296 с.
16. Три акафиста Леушинской иконе Божией Матери «Азь есмь съ вами, и никтоже на вы». — Мещовск, 2010. — 56 с.
17. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. — М. : Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с.